

Темнота неба не спадает, дождь не ослабевает.

Только когда он замечает, что деревья начинают меняться и расходиться в стороны, дождь ослабевает, превращаясь из холодных стригущих в более теплые жирные капли. Дождь становится все мягче и мягче, превращаясь в моросящий дождь, а затем темные тучи раздвигаются, и сквозь трещины, словно сквозь витражи, проникает свет - яркий и золотистый - и Наруто замирает на месте.

Это восход солнца.

Цвета, словно водные краски, переливаются на фоне высокой травы, переходят в мазки и размазываются по скале, резко обрывающейся в бурлящее море.

Побережье?

Все, что он читал, говорило ему, что пройдет не менее двух дней, прежде чем он доберется до этого места. А он путешествует всего одну ночь.

Он опускается на мягкую растительную почву под собой. Ему холодно и больно, но солнечный свет словно бальзам на кожу. Морской ветер треплет его промокшую одежду и стирает капли дождя с его волос. Он подходит к краю обрыва и смотрит вниз, на яркие рифы и острые скалы. Если не считать опасности падения, край со всех сторон защищен густыми деревьями. Вполне безопасное место для отдыха.

Он стягивает через голову одежду и развешивает ее сушиться на ветке под солнцем. Опустив взгляд, он видит паутину черных вен, пересекающих его кожу от кончиков пальцев до плеча. Они неприятно пульсируют, как будто в крови слишком много давления, но чем больше его в организме, тем меньше в организме Курамы, и тем больше времени можно выиграть для себя. Он изо всех сил старается не обращать внимания на подкрадывающуюся боль и достает из рюкзака что-нибудь поесть. Он умирает от голода.

Остаток дня он дремлет на краю обрыва, восстанавливая силы после бегства из Конохи. Он знает, что отсюда нужно идти на север, но это все, что он знает - у него есть грубая карта, которую он нарисовал на основе тех, что нашел в архивах, но он не художник, так что это в лучшем случае грубая оценка.

Он не знает, что заставляет его спать прямо на линии обрыва, но что-то в виде океана успокаивает его, снимает томительную тревогу и успокаивает расшатанные нервы. Он спит здесь до тех пор, пока снова не почувствует себя самым собой, пока не сможет стоять с уверенностью в теле и чакре. Он поднимается на ноги, подхватывает рюкзак и встает ногами к обрыву. Он делает последний укрепляющий вдох, чтобы прогнать туман из глаз и вооружиться против боли, и поворачивается, чтобы идти.

В этот момент что-то в ветре меняется, превращаясь из обычных океанских порывов в нечто, что шепчет ему по щеке, словно приветствуя. Он поворачивает голову, но ощущение исчезает так же быстро, как и появилось.

Просто мое воображение.

Он бежит на север, когда солнце достигает зенита, преследуя шторм, поднимающийся с воды. Земля начинает сменяться густым лесом и крутыми речными долинами, а вид океанских течений, перекачивающихся через скалистые отмели, знаменует конец Страны Огня и начало Водоворота. Он не видит людей, но время от времени сквозь густую яркую зелень или через овраги у реки ему попадаются заброшенные деревни. Они просты и невелики: скопления деревянных домов, заросших саженцами и плющом. У него возникает ощущение, что он - первый человек, оказавшийся здесь за долгое время.

Когда день переходит в полдень, он натывается на такую деревню, приютившуюся в небольшой бухте, прижатой к склону скалы. Он стоит на небольшом выступе, с которого открывается вид на множество разрушающихся домов, темные коричневые цвета мха компенсируются кобальтовым блеском моря за горизонтом. Похоже на рыбацкую деревушку, а может, и на порт - обширные доки лежат в запустении поперек гавани.

Он скользит к ней по крутому склону, не обращая внимания на боль в венах и удивление в глазах, на легкую грацию своих движений.

Он не замечает грации и уверенности своих движений, когда перепрыгивает с камня на камень, когда падение становится слишком крутым, не замечает, как легко его чакра отвечает на зов даже самого слабого инстинкта, как она поднимается ему на помощь в тот момент, когда он в ней нуждается. В этот кризисный момент она лежит наготове, готовая сделать все, что он попросит.

Он останавливается на краю одного из больших зданий, похожего на сарай, с провалившейся крышей. Руины - сплошь острые изломанные края, смягченные ползанием природы по обломкам, отбирающей свое. Он осторожно идет по разрушенным докам, двигаясь медленно, на случай, если доски не выдержат его веса. Это удивительно прочная конструкция для кучи деревянных досок, подвешенных над водой. Но все же кажется, что чего-то не хватает, что-то отсутствует среди остатков. Он облокотился на край одного из доков, вглядываясь в кристальную воду.

Это лодки...

Точнее, в том, что их нет.

Среди руин и обломков нет и следа того, что когда-то могло напоминать морское судно. При

всей очевидной тщательности, с которой были построены доки, здесь нет ни одной сломанной шлюпки - ни в воде, ни среди обломков деревни.

Теперь, когда я думаю об этом, я не помню, чтобы в отчетах упоминалось, что у Узушио есть корабли.

Он просто предполагал, что они будут похожи на Кири, что у них будут такие же армады, как у пехоты Скрытого Тумана, о которых ему говорил Курама. Но он не видит ни мачт, ни изогнутых досок, из которых когда-то мог бы состоять корпус корабля, - только драпированные листы старых и рваных рыболовных сетей.

Стоя на краю причала, он снова залюбовался морем. Теплое полуденное солнце превратило его из серо-голубого раннего утра в более теплый тропический лазурный цвет, оттеняемый зеленью по мере того, как оно извивалось вдоль мелководья, и становящийся темно-темным по мере того, как оно уходило к горизонту.

Наруто спускается вниз, наклоняется над краем и проводит пальцами по воде. Вода, словно ленты, струится вокруг его пальцев, она теплее, чем он думал, и закручивается в крошечные водовороты на его ладони. Вода течет обратно к нему, когда он проталкивается сквозь нее, - странное маленькое течение, которое на мгновение закручивается вокруг его запястья, а затем возвращается к обычному уровню.

Еще один странный, элементарный привет. Может, ему не показалось?

Что здесь происходит?

Словно по цепной реакции, вокруг него внезапно поднимается ветер, закручивается вокруг него раз, два, а затем игриво проносится мимо него, танцуя на поверхности воды.

Что-то тянет его к себе, резко дергает за какой-то старый инстинкт в груди, как цепь, которую учат дергать за место чуть ниже сердца. Что-то глубокое.

Что-то животное.

Оно, как магнит, тянет на север, приковывает его внимание к морю. Он сходит с причала на воду, и если это была часть деревни ниндзя, то становится понятно, почему у Узушио не было кораблей. Да они им и не нужны были.